DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-430-439

А. Б. Страхов

ИСТОРИОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КОНЦЕПЦИЙ «ЦАРЬГРАД ТЫРНОВ» И «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ»

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу славянских концепций преемственности от Рима и Константинополя. Ряд исследователей утверждал прямую зависимость русской формулировки от болгарской. Несмотря на то что данная гипотеза признана несостоятельной, в обеих концепциях обнаруживаются схожие идеи. Анализу общего и особенного в славянских концепциях переноса империи посвящена данная статья.

Ключевые слова: духовно-политическая мысль, историософия, Москва — Третий Рим, Царьград Тырнов.

A. B. Strakhov

HISTORIOSOPHICAL PARALLELS OF "TSARGRAD TARNOV" AND "MOSCOW — THE THIRD ROME" CONCEPT

Abstract: The article explores the comparative analysis of Slavic concepts of succession from Rome and Constantinople. Some researchers argued about the direct relationship of the Russian language from Bulgarian. Despite the fact that this hypothesis is recognized as untenable, in both concepts are similar ideas. This article is devoted to the analysis of the General and special in the Slavic concepts of Empire transfer.

Keywords: spiritual and political thought, historiosophy, Moscow — the Third Rome, Tsargrad Tarnov.

После распада Римской империи ее восточный величественный осколок со столицей в царственном Константинополе нес свет православной веры восточным и южным славянам. Величие Константинополя как политического и, что важнее, православного центра выражалось и в славянском названии города — Царьград. Несмотря на то что Восточная Римская империя, или Византия, просуществовала до 1453 г., ее «воспитанники» активно покушались на интеллектуальное и идейное наследие еще до взятия Константинополя турками. Этому способствовали серьезнейшие кризисы византийского государства, что позволяло славянским государствам перенимать себе все образы

и смыслы, которые продолжали непрерывную линию преемственности от великой империи. Наиболее яркими примерами такой преемственности являются болгарская идея «Царьграда Тырнова» и русская концепция «Москва — Третий Рим».

При этом внутри славянского мира происходило активное взаимодействие и взаимовлияние. Греческая ученость распространялась с помощью церковнославянского языка, основанного просветителями Константином (Кириллом) и Мефодием на диалектах, близких к болгарскому. Поэтому Болгария занимала особое место в православном славянском мире. Историк-эмигрант Дм. Стремоухов указывал: «Русские знакомились с византийской доктриной как непосредственно, так и через южных славян, адаптировавших ее в собственных национальных интересах» [7, с. 427]. Это позволило Стремоухову разделить мнение П. Милюкова и считать русскую концепцию адаптацией болгарской.

Тем не менее, хотя фактор болгарского влияния исключать нельзя, можно говорить о происхождении обеих идей не одной из другой, а из одного корня, и корень этот — пророчество пророка Даниила о четырех царствах. После падения последнего должен наступить конец света. Традиция считала этим царством Римскую империю. Соответственно, именно от нее зависело, низвергнется ли человечество в ад или же будет спасено. Логично, что перенимая в кризисных ситуациях право считаться Римом и оставаясь единственным независимым православным государством, Болгария или Русь брали на себя ответственность за весь остальной православный и, шире, христианский мир. Идея «четвертого царства» была, с одной стороны, эсхатологическим предостережением, а с другой — наполняла существование государства мессианской целью. Обоснование права на именование Римом у обеих славянских стран имело как общее, так и различное.

Противопоставление Болгарии Византии имело долгую историю, однако ярче всего она проявилась в «Солунской легенде» — мифическом повествовании о миссии Кирилла в славянских землях. Греческий митрополит Иоанн отговаривает приехавшего из Дамаска (sic!) Кирилла от проповеди в болгарских землях, так как «Бльгаре соуть чл҃кадци и тебѣ хотеть извести» [6, с. 158]. На сокрушенного горем Кирилла сходит некий голубь (очевидная отсылка на Святого Духа), и «азь истребихь грьцки ѥзикь» [6, с. 159], при этом овладев славян-

ским. Примечательно, что здесь болгары пытаются откреститься от греков, показывают их своими врагами, подчеркивают, что христианство дано им напрямую от Господа. Это позволило осмыслить Болгарию со столицей в Тырново как независимый от греков православный центр и сделало возможной борьбу с Византией.

Концепция же падения Рима и Константинополя в болгарской историософии появляется в период существования Латинской империи — государства крестоносцев, захвативших Царьград. Она отражена в Пандеховом пророческом сказании, которое и начинается с описания судьбы Рима: «Рим е зрял. И зрелостта му е неговото падение, а падението му е неговата погибел. Има град Византион. Дойде Константин от Рим и превзе Византион; като го унищожи и разруши, изгради град и го назова свое създание — Константинов град. В него царуваха ромеите до кир Мануил цар, а след тово не ще царуват, докато не настъпят на гнева с годините» [9, с. 234]. Примечательно, что в сказании не указана дальнейшая судьба преходящего Рима. Это оставляет широкое поле для трактовок. Так, Г.С. Радойичич указывает: «Пандех — против латинян, и он ждет, что царство их погибнет, а это произойдет тогда, когда пройдет определенное число лет божьего гнева» [4, с. 164]. Тем не менее логика историософской традиции подсказывает, что в Болгарии уже была подготовлена почва для принятия на себя роли «нового Рима».

Действительно, политическая обстановка в XIII в. и особенно деятельность болгарского царя Ивана Асеня II располагала к подобным утверждениям: «Иноземная власть над Константинополем и крах имперских амбиций Солуни делали Тырново единственной православной столицей бывшего византийского Запада. После длительных перипетий, сопровождавших становление болгарско-никейского военного союза против Латинской империи, в 1235 г. собор восточного духовенства в Лампсаке признал особый статус Тырновской кафедры» [2, с. 154]. На символическом уровне этот особый статус был отмечен в титуловании болгарского первосвященника «патриархом Царьграда Тырнова» и переносом многих святынь в Тырнов, так называемым «накоплением святости». Таким образом, Болгария заявила о своем намерении быть духовным центром всего православного мира.

Однако успешному развитию Болгарии в данном качестве помешало восстановление Византии. Хотя и не в прежнем величии, она

продолжала оставаться центром восточного христианства, и теперь болгарским книжникам было необходимо вступить с ней в идеологическую борьбу. Все интеллектуальное напряжение Болгарии было направлено на перетягивание влияния. В связи с этим кажется принципиально важным замечание Д.И. Полывянного: «В правление Ивана Александра изначальная черта болгарской культурной модели — противопоставление своей столицы византийской метрополии, приобретает новые измерения. Тырново соотносится не с современным ему Константинополем, а с византийской столицей эпохи Комнинов» [2, с. 178]. Иными словами, Византия как мировой религиозный центр для Болгарии перестала существовать и оставалась, если можно так выразиться, «политическим недоразумением», которое по какому-то сомнительному основанию считало себя наследником Рима. Особенно ярко такое отношение выражено в Манассиевой хронике, переводном с греческого языка документе, дополненном сведениями болгарской истории, в котором похвалы византийским императорам переадресованы болгарским царям простой вставкой в текст: «Вот что приключилось со старым Римом, наш же юный Царьград растет и мужает, крепнет и молодеет. Пусть растет он вечно, о царь, над всеми царствующий, принявший этот сияющий, светоносный дар, царь, великий владыка и славный победоносец [от корня Иоаннова, величавого царя болгар Асеня. Говорю я об Александре — кротчайшем и милостивом, покровителе монахов и кормильце нищих, великом царе болгар], пусть в его царстве без счета восходит солнце» [2, с. 177].

Таким образом, «Царьград Тырнов», появившийся как отражение религиозной исключительности и мессианского характера Болгарского царства в условиях существования как единственного православного государства, постепенно стал орудием политической борьбы с Византией. Опыт сосуществования с католическим государством крестоносцев-завоевателей вызвал отторжение Римской империи как концепции, и поэтому Болгария уделяла внимание переносу «четвертого царства» исключительно от православной Византии.

В 1396 г. Болгария пала под османским завоеванием, и образ «Царьграда Тырнова» сменяется насущными вопросами выживания.

Иная ситуация сложилась в Московском княжестве, которое после 1453 г. было вынуждено осмыслять себя в качестве единственного

православного государства. Одним из таких осмыслений стал «Филофеев цикл».

«Филофеев цикл» — это три послания, автором которых был (или якобы был) старец Филофей — монах Спасо-Елеазарова монастыря под Псковом. Создание цикла растянулось примерно на двадцать лет: первое послание, адресованное дьяку Мисюрю-Мунехину, было написано в 1523–1524 гг., второе, отправленное уже великому князю Василию Ивановичу, — не позднее 1526 г., третье, адресатом которого был Иван Васильевич, было создано в 1530–1540-е гг. Бесспорное авторство Филофея установлено только для первого послания. Во всех произведениях цикла содержится идея «Третьего Рима», что и позволяет объединять эти три послания в единый комплекс и приписывать их одному автору.

Основная идея лаконично выражена Филофеем в послании Мисюрю-Мунехину: «Да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромеиское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [3, с. 298]. Эта цитата перекликается с положением Пандехова сказания. Это логично, ведь в обоих случаях после падения Константинополя «токмо единаго государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит» [3, с. 300]. Стоит отметить, что приведенные цитаты заключают в себе почти все обоснование тезиса о том, что Москва стала новым Ромейским царством (за исключением внутритекстовых цитат из Священного Писания и Предания). Опираясь на предположения уже упомянутого Д.Н. Стремоухова [7] и фундаментальную работу Н.В. Синицыной [5], можно объяснить эту краткость следующим образом. Филофею, черпающему свою концепцию из ветхозаветных Книги пророка Даниила и Третьей книги Ездры, не надо было объяснять происхождение своей доктрины человеку, который принимал прямое участие в составлении Геннадиевской Библии: «Следует напомнить, что в Геннадиевскую Библию было включено пророчество Ездры, переведенное доминиканцем Вениамином и Дмитрием Герасимовым, состоявшим в переписке с Мисюрем Мунехиным» [7, с. 437]. Н.В. Синицына, однако, отрицает значимость Третьей книги Ездры: «Гораздо естественнее искать источники в тех толкованиях книги пророка Даниила, которые уже существовали в переводной и

оригинальной эсхатологической и хронографической литературе и в которых уже произошла метаморфоза последней империи» [5, с. 262].

Совершенно другая ситуация в послании великому князю Василию Ивановичу: в нем Филофей или его последователь дает более широкую трактовку и обоснование своей концепции: «Стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсѣкоша двери, сиа же нынѣ третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствиа святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтится» [3, с. 300–302]. При этом правитель получает несколько серьезных обязанностей: «Сие держати со страхом Божиимъ, убойся Бога, давшаго ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сиа здѣ собрана и на земли здѣ остают <…> да исполниши святыя соборныя церкви епископы, да не вдовьствует святая Божиа церкви при твоемъ царствии!» [3, с. 302].

Очевидно, что Филофей или его последователь ведет речь о духовном, а не политическом наследии Руси по отношении к Византии и к Риму (в этом случае, возможно, отсылая читателей к апостолу Петру). И адресатом посланий выступают не столько представители светской власти, сколько церковь. Таким образом, тексты имеют двойственную природу: это послания церкви о церкви, о ее роли в дальнейшей политике России. Отсюда и происходит призыв «наполнять святые соборные церкви епископами», обращенный к князю Василию Ивановичу.

Не вполне корректным видится рассмотрение этих двух посланий исключительно как развитие идеи от одного текста к другому. Логичнее было бы, приняв во внимание тезис А.С. Усачева («От читателей сочинения Филофея нередко ускользал эсхатологизм, которым пронизаны едва ли не все памятники древнерусской литературы XVI в.» [8, с. 70]) и высказанные выше предположения о ветхозаветных источниках концепции, говорить о взаимодополняемости посланий. Фраза «четвертому не бывать», которую многие трактуют как окончательное закрепление «четвертого царства» в Русском государстве, гораздо более драматична и может быть истолкована как вестник скорой гибели всего мирового христианства. В таком случае советы князю напоминают, что на московского правителя ложится ответственность не только за Россию, но и за весь христианский мир. Тогда

можно констатировать переход от эсхатологического смысла к мессианскому: русские великие князья и все Русское государство становились последней надеждой и могучей силой, которая может вернуть святой православной вере ее прежнее величие, потерянное из-за неблагочестивых действий константинопольских иерархов.

Однако концепция «Москва — Третий Рим» прочно вошла в русскую политическую мысль только в конце XVI в.: «Русская концепция “Третьего Рима” <…> была изложена в официальном документе 1589 г., а именно в Уложенной грамоте Московского Освященного Собора с участием константинопольского патриарха и греческого духовенства, когда был учрежден Московский патриархат» [5, с. 12]. В середине XVII в. концепция распространилась в среде старообрядцев, в известной степени маргиналов политической мысли России. Существует несколько точек зрения, почему такая важная доктрина не получила должного внимания сразу после ее формулирования. Так, А.С. Усачев утверждает, что концепция не стала официальной идеологией по двум причинам: из-за обилия других материалов, среди которых тексты Филофея особо не выделялись, и из-за провинциального происхождения автора [8, с. 85]. С.В. Перевезенцев считает, что московским правителям и церковным иерархам было чуждо само понятие «Ромейское царство», появившееся в ранних посланиях: «<…> понятие “Ромейское царство”, видимо, непонятое и непринятое многими духовными и политическими российскими кругами <…> заменяется на “Российское” царство» [1, с. 247]. Вполне возможно, что даже после замены слов доверие князей к концепции не увеличилось, и она не стала смысловым источником фундаментальных Степенной книги царского родословия и Великих Миней Четьих.

Итак, и болгарская, и русская формулировки появились как обоснование религиозной исключительности и лишь потом были наполнены политическим смыслом. Обе концепции опираются на пророчество Даниила и появляются в условиях гибели Византии.

Тем не менее отличий между «Царьградом Тырновом» и «Москвой — Третьим Римом» существенно больше.

Формулировка «Царьград Тырнов» семантически исключала первый Рим, замыкаясь строго на наследие Восточной Римской империи и ограничиваясь Балканским регионом. Парадоксально, но имперский, а значит, долженствующий быть всеобъемлющим, проект бол-

гарских царей стал аргументом в локальном споре с увядающей Византией, что объяснялось всего географическим положением. Кроме того, «имперский проект» Болгарии был направлен лишь на утверждение собственной особой роли в православном мире и исключал возможность спасения католиков под крылом Тырнова.

Удаленная от Константинополя Русь была лишена необходимости бороться с Византией за влияние на Балканах, а Ферраро-Флорентийская уния освободила Московское государство от церковной зависимости. В связи с этим русские мыслители были более смелыми в своих интеллектуальных изысканиях. Это позволило им наследовать имперские амбиции напрямую от Римской империи, которую, помимо прочего, Своим рождением благословил Иисус Христос. Такое положение удачно сочеталось с легендарным происхождением Рюриковичей от Октавиана Августа, закрепленное в начале XVI в. в «Сказании о князьях Владимирских», и подкрепляло его.

Теория «Царьград Тырнов» создавалась, скорее всего, «под заказ» по случаю собора в Лампсаке и сразу была воспринята болгарскими царями и первосвятителями как государственная идеология и официальная историософская концепция. Теория «Москва — Третий Рим» на протяжении примерно 65 лет оставалась в маргинальном состоянии, но ее включение в государственную историософию было стремительным и фактически одномоментным.

Как уже было отмечено, обе концепции развились из религиозных в политические, однако если в Болгарии этот процесс прошел спокойно и без потрясений, то подмена религиозного смысла «Москвы — Третьего Рима» политическим только подлила масла в огонь начинающегося раскола.

Так или иначе и идея «Царьграда Тырнова», и идея «Москвы — Третьего Рима» стали ключевыми вехами в осознании обеими славянскими странами своего могущества и исключительного места в мире и в истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Перевезенцев С.В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. 432 с.

2 *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 290 с.

3 Послания старца Филофея // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. С. 290–306.
4 *Радойичич Г.С.* Пандехово сказание 1259 г. (О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарах) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН, 1960. Т. 16. С. 161–166.
5 *Синицына Н.В.* Третий Рим. М.: Индрик, 1998. 416 с.
6 Солунская легенда // *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 158–159.
7 *Стремоухов Д.Н.* Москва — Третий Рим. Источник доктрины // Из истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 425–441.
8 *Усачев А.С.* Третий Рим или Третий Киев? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 69–87.
9 *Каймакамова М.* Власт и история в България в края на XII и през XIII в. // Зборник радова Византолошког института. 2010. № 47. С. 215–244.

REFERENCES

1 Perevezentsev S.V. *Tainy russkoi very. Ot iazychestva k imperii* [Secrets of Russian faith. From paganism to the Empire]. Moscow, Veche Publ., 2001. 432 p. (In Russian).
2 Polyviannyi D.I. *Kul'turnoe svoeobrazie srednevekovoi Bolgarii v kontekste vizantiisko-slavianskoi obshchnosti IX–XV vekov* [The Cultural Identity of Medieval Bulgaria in the Context of the Byzantine-Slav Community (9th–15th Centuries)]. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2000. 290 p. (In Russian).
3 Poslaniia startsa Filofeia [Elder Philotheus's letters]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 9, pp. 290–306. (In Russian).
4 Radoiichich G.S. Pandekhovo skazanie 1259 g. (O Vizantii, tatarakh, kumanakh, russkikh, vengrakh, serbakh, bolgarakh) [Pandekh's legend of 1259 (About Byzantine Empire, Tatars, Cumans, Russians, Hungarians, Serbs, Bulgarians)]. *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury* [Researchers of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, Izdatel`stvo AN Publ., 1960, vol. 16, pp. 161–166. (In Russian).
5 Sinitsyna N.V. *Tretii Rim* [The Third Rome]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 416 p. (In Russian).
6 Solunskaia legenda [The Legend of Solun]. Lavrov P.A. *Materialy po istorii vozniknoveniia drevneishei slavianskoi pis'mennosti* [Materials on the history of the ancient Slavic writing]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1930, pp. 158–159. (In Russian).
7 Stremoukhov D.N. Moskva — Tretii Rim. Istochnik doktriny [Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of

Russian culture]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, vol. 2, book 1: Kievskaia i Moskovskaia Rus', pp. 425–441. (In Russian).

8 Usachev A.S. Tretii Rim ili Tretii Kiev? (Moskovskoe tsarstvo XVI v. v vospriiatii sovremennikov) [The third Rome or the Third Kiev? (Muscovy of the 16th century in the perception of contemporaries)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2012, no 1, pp. 69–87. (In Russian)

9 Kaimakamova M. Vlast i istoriia v B"lgariia v kraia na XII i prez XIII v. [Power and history in Bulgaria at the end of 12th and during the 13th century]. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*, 2010, no 47, pp. 215–244. (In Bulgarian)

Об авторе / About author

Александр Борисович Страхов — аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, Ленинские горы, д. 1, 119991, ГСП-1, г. Москва, Россия.

E-mail: falconian@yandex.ru

Alexander B. Strakhov — Postgraduate, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: falconian@yandex.ru